

# СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН «РУССКОЙ УТОПИИ» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ВОСПРОИЗВОДСТВА И ТРАНСЛЯЦИИ

Наталья Митина\*

*Статья исследует феномен «русской утопии» с точки зрения ее специфических черт, а также механизмы формирования и воспроизводства данного феномена на русской почве и его трансляции в различных социальных контекстах. При этом утопия как таковая рассматривается в качестве явления социокультурной действительности, то есть как феномен, включающий в себя характерные черты той цивилизации, на базе которой она формируется.*

*Поскольку социокультурная действительность в каждый конкретный исторический период представляет собой уже сложившуюся и достаточно устойчивую структуру, возникшую в результате развития общества в ходе исторического процесса, цивилизационные особенности изучаемой культуры имеет смысл увязать с их проекцией на утопии, характерные для нее. В статье обоснована мысль о том, что особенности «русской утопии» можно вывести из таких специфических черт русской культуры, как религиозность, эсхатологизм, мессианство, стремление к социальной справедливости, правдоискательство, общинность, соборность, вера в чудо и ряд других. Утопия определяется как отдельная культурная форма, устанавливающая взаимосвязь этих черт национально-культурной ментальности, как продукт «жизненного мира» человека, в том числе – русского «жизненного мира». Соответственно, механизмы воспроизводства и ретрансляции данной культурной формы имеет смысл увязывать с общекультурным контекстом, учитывая такие особенности русской утопии, как образность, религиозность, нравственная определенность и символизм.*

Механизмы воспроизводства и трансляции такого социокультурного феномена, как утопия, ее отражение в нашей общественно-политической жизни, представляют определенный интерес для современной теории управления, прежде всего в контексте наметившейся сегодня тенденции увязывать общие закономерности данной теории с их цивилизационными параметрами. Поскольку культура концентрирует в себе знания, ценности, обычаи, благодаря которым общество получает тот или иной культурно-исторический «формат» [1. С. 10], имеет смысл учитывать влияние ее уникальности на особенности утопических

проектов, ею вырабатываемых. С другой стороны, являясь производной от характера ментальности, утопия сама оказывает существенное влияние на многие сферы общественной жизни, нередко определяя развитие культуры в целом. Для России изучение данного ракурса управленческих тактик представляется своевременным, прежде всего в свете их востребованности массовым сознанием, особенно в контексте тех социальных трансформаций, которые имеют место в последние сто лет.

Как подчеркивает выдающийся российский ученый Э.Я. Баталов, «в России утопия всегда чувствовала себя как дома. Русская

\* Митина Наталья Георгиевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Дальневосточной государственной академии искусств, Владивосток

народная социальная утопия с ее идеалом Правды, уходящая корнями в культуру Древней Руси, оказывала неизменное воздействие на формирование национального утопического сознания и массовых движений протеста, включая все три русские революции» [1. С. 105]. Многие русские философы вообще относят утопичность к характерным особенностям русской ментальности [13; 5. С. 52-53]. В свою очередь, немецкий философ В. Шубарт подчеркивает романтизм и духовную анархию русских, «пресловутую мечтательность», «неотмирность ... планов и программ, копание в теориях без всяких перспектив на практический идеал» [28. С. 104].

С другой стороны, важнейшими чертами русского национального характера принято считать коллективизм, общинность и соборность [например, 24. С. 4]. В понятиях «соборность», «всеединство» заключается и идея государства, которая представлена у русских как духовный идеал и одновременно утопия единения, целостного органичного взаимоотношения внутри триады «власть - народ - человек». Концепция всеединства, по мнению Д.А. Крылова, также связана «с утверждением высшего призвания - миссии» [12. С. 4-5].

Стоит обратить внимание, что механизмы формирования, воспроизводства и трансляции «русской утопии» связаны с теми процессами, которые имели место в русской культуре XIX века. К концу этого столетия культура повседневности претерпевает в России значительные изменения: происходит смена ценностных предпочтений, активно идет процесс формирования новых культурных форм. Утопия как культурная форма, формирование которой связано со своеобразной седиментацией прежнего субъективного опыта, принимает активное участие в производстве новых идей, что кристаллизуется, в частности, в концепции всеединства.

Н. Бердяев, рассматривая особенности русского национального типа, определяет такие антиномии русского характера, как деспотизм, гипертрофия государства - и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию - и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие - и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности - и безличный коллективизм; национализм, самохвалство - и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность - и внешнее благочестие; искание Бога - и воинствующее

безбожие; смирение - и наглость; рабство - и бунт [2. С. 2]. Возможно, на определенном уровне эти черты можно отыскать в любой «народной душе», однако сам «набор сочетаний» в данном случае показателен и дает основания для выявления основ формирования утопий в компенсаторно-психологическом ключе.

С другой стороны, для русской души характерно «странничество» - явление, призванное воплотить в жизнь «содержание, «иное» по отношению к реальной действительности», вера в чудо [23. С. 47]. Странничество и идея правдоискательства во многом определяет самобытность русской философии и выросшей на ее почве утопии. Поиск «правды-истины», уходя своими корнями в христианское верование, артикулируется в древнерусских летописях, безымянных литературно-философских памятниках средневековья, в трудах славянофилов, деятелей русского религиозно-философского ренессанса конца XIX - начала XX вв., в творчестве мыслителей послеоктябрьского русского зарубежья. Для русской философии проблема «правды-истины» имеет глубокий социальный смысл. Обращая внимание на своеобразие слова «правда», Н.К. Михайловский отмечал: «Всякий раз, когда мне приходит в голову слово «правда», - я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой... Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое. Правда - в этом огромном смысле слова - всегда составляла цель моих исканий...» [10. С. 17]. В «правде», замечает В.В. Зеньковский, русские философы ищут целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа [10. С. 17]. «Правда» к тому же для русского уха связана с такими словами, как «править», «управлять» и «исправлять», улучшать. Налицо связь правдоискательства с управленческими стратегиями и тактиками, заложенная в саму культурную форму «русской утопии».

Примером такой утопии можно считать «русскую идею» - превращенный в абсолют социальный идеал об особой миссии России в мире. При этом важный аспект русского национального самосознания составляет представленная здесь антиномия эсхатологизма и утопизма. Речь идет, с одной стороны, об эсхатологической вере в достижение лучшей жизни и мессианской предопределенности России в мировой

истории, а с другой, о создании зримого образа желаемого (или нежелаемого – в антиутопиях) будущего [27. С. 5].

Разумеется, общественные идеалы и социальные утопии по своей природе историчны, в них диалектически сочетаются изменчивое и устойчивое, специфическое и универсальное. Не составляет исключение и рассмотренная в этом ключе «русская идея». В свою очередь, антиутопии, демонстрируя тревогу за судьбу личности в «массовом обществе», позволяют спрогнозировать возможные последствия реализованной утопии. Н. Бердяев предупреждал: «Всякая попытка создания рая на земле есть попытка создания ада» [8. С. 46].

Стоит подчеркнуть, что специфика ощущения времени в русской культуре также является одним из механизмов генерации утопического сознания. Для русской цивилизации характерно некоторое замедление восприятия временных процессов, обусловленное ее пространственной протяженностью [5. С. 52-53]. Отсюда и «разрыв» времени, и стремление к вечности и абсолюту, идеи «конструирования будущего» и необходимости овладения временем [17; 22. С. 412]. Вместе с тем, время делает возможным творчество нового [3]; причем теория прогресса не связана с творчеством в подлинном значении этого слова и не разрешает проблему времени, поскольку не видит смысла истории, выходящего за рамки улучшения условий жизни человека на земле [7. С. 454; 4. С. 152-153; 18. С. 4]. В.Н. Муравьев, в свою очередь, замечает: «Древнерусское мирозерцание устанавливало живую и нерушимую связь настоящего с прошлым... Соборность и временность неотделимы» [17. С. 57]. Таким образом, утопия как проект развития истории не только оправдана, но и необходима. Ее задача – соединить распавшуюся связь времен ценой личного и одновременно коллективного усилия, прикладываемого скорее духовно, чем физически. Впрочем, организационная сторона вопроса, волновавшая самих утопистов значительно меньше, чем практиков-революционеров, как известно, также получила свое развитие на российской почве.

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные выше особенности темпоральности русской души являются причиной неистребимости утопий в России, ее открытости новым утопическим проектам, способности постоянно впитывать в себя появляющиеся утопические идеи и становиться почвой для их реализации.

Подчеркнем, что «русская утопия» не всегда была представлена в качестве философских трактатов либо социально-идеологических проектов. Чаще она рождалась в литературных произведениях [27. С. 39]. Так, Д.А. Крылов подчеркивает: «Русская философия всегда стремилась к тому, чтобы основаться на Логосе (Слове), в противоположность западным взглядам, связанным с силой Разума. Это объясняется той духовной традицией, которая вырабатывалась в недрах отечественной культуры» [11. С. 8; 12. С. 6]. На «литературность» русской философии указывает М.В. Силантьева, анализируя концепцию Н.А. Бердяева [19. С. 21]. В.С. Федчин также отмечает «важное место в русской антропологической традиции» русской классической художественной литературы [23. С. 21]. Можно заключить, что образный, художественный характер утопии связан с характерной чертой русской ментальности, отраженной особенностью русской культуры мышления в целом. Многие исследователи отмечают, что русская философия тяготеет к живому, образному слову, публицистичности, что приводит ее к тесному переплетению с художественной литературой. Русская философия идет через развитие всей русской культуры, а философские идеи воплощаются через образы литературы, архитектуры, изобразительного искусства [9. С. 5; 14. С. 883; 16. С. 1195-1196; 15. С. 912].

Любая утопия в какой-то степени религиозна, так как пытается воплотить веру в осуществимость идеального общества. Но русская утопия религиозна в своей основе, что обусловлено высокой степенью религиозности, свойственной русской культуре [19. С. 21; 20. С. 37]. Исследовательница утопии Е.Л. Черткова выделяет следующие черты русского утопизма: религиозный имманентизм, «теургическое беспокойство», мессианизм, идея спасения [26. С. 181]. Однако при этом нельзя забывать, что «религиозные по своему источнику и характеру идеи преобразуются в структуре утопического сознания в нечто всецело «от мира сего», обнаруживая тем самым его псевдорелигиозный характер» [26. С. 185]. На религиозный характер русской утопии указывает и Н. Бердяев, отмечая стремление к «религиозному преображению» [4. С. 174]. Данная специфика является не только причиной существования утопии, но и определяет ее особенности, характерные черты. Следовательно, российские утопии, несмотря на многообразие их форм, имеют

религиозные черты, часто с неоправданной легкостью переносимые на социально-преобразующую деятельность.

С этим связан еще один аспект русской утопии – ее нравственная определенность [12. С. 4]. Утопия, выражая христианский идеал Царства Божьего, требует рассматривать его как Царство Божие на земле. Последнее можно, строго говоря, построить и без Бога, – реализуя, подобно героям Достоевского, мессианскую ответственность человека за историю путем указания пути правильного жизнеустройства. При этом реализуется ни больше, ни меньше как идеал спасения человечества, на фоне которого отдельные жертвы кажутся не слишком значительными и в любом случае оправданными величиим поставленной задачи.

Необходимо выделить еще одну важную черту «русской утопии», связанную с предыдущей, – ее символизм. Утопический мир – это знаковая реальность, где знак выступает как символ [26. С. 169]. В русской утопии данная черта проявляется особенно ярко, что видно из анализа не только собственно утопических, но особенно антиутопических проектов. Символизм, понятый таким образом, позволяет говорить о границах применимости утопии в качестве принципа социального управления. Как минимум, такой границей является неизбежность социального кризиса, являющегося следствием «передавливания» массового сознания принципом «отсроченного ожидания» и «отсроченного вознаграждения».

Отметим, что Н. Бердяеву удалось продемонстрировать ограниченность утопического «машинного», технизированного, подхода к решению вопроса о будущем культуры. При этом революционное – разрушительное, изначально антикультурное [6; 4] – начало в социальной жизни он связывает не столько с техникой самой по себе, сколько с незащищенностью массового человека от ее «власти», превращающей людей в «рабов машин». Связанный с этим положением дел кризис культуры русский философ не считает фатальным [4]; однако, по его мнению, преодолеть их помогут не утопические проекты революционного

преобразования общества, а исцеление человеческой личности и личности соборного человечества в ходе творческого – то есть, прежде всего, духовного – «преображения и спасения» в ходе развития культуры как «пути возвращения человека к Богу» [21. С. 54; 19. С. 33].

Выводы. Рассмотрение особенностей русской ментальности позволяет выделить следующие черты «русской утопии» как культурной формы, позволившие ей сформироваться на соответствующей цивилизационной основе: религиозность, эсхатологизм, мессианство, свобода духа, неформализованное стремление к социальной справедливости, правдоискательство, общинность, соборность, вера в чудо. В свою очередь, воспроизводство «русской утопии» неразрывно связано с представленными в русской ментальности механизмами:

- противопоставлением добра и зла в социальной действительности (а не только в межличностных отношениях);
- идеализацией будущего (основной способ действия базируется на представлении о возможности лучшего исхода – сравнить русское выражение «авось»);
- отказа настоящему в самостоятельной ценности (достижение добра и счастья возможно, но только в будущем).

Перечисленные особенности позволяют описать механизмы трансляции «русской утопии» в качестве социального регулятора, имеющего ограниченный ресурс применимости и вместе с тем являющийся весьма эффективным с точки зрения доступности массовому сознанию. К таким механизмам относятся образовательные и просветительские практики, особенно востребованные сегодня в рамках деятельности средств массовой коммуникации. При этом «само позитивное осмысление будущего с учетом многовариантности развития, ведущего к нему, может сыграть роль противовесия от другой грозящей нам беды – интеллектуального и морального хаоса, абсолютного негативизма, сконцентрированных в идеологиях, подрывающих основы современной культуры» [25. С. 81].

#### Литература:

1. Баталов Э.Я. В мире утопии. М., 1989.
2. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // <http://philologos.narod.ru/berdyayev/berd-rusidea.htm>.

3. Бердяев Н. Вечность и время // <http://www.raskol.net/node/1669>.
4. Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990.
5. Бердяев Н. Мирозерцание Достоевского // <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn008.htm>.
6. Бердяев Н.А. О культуре // [http://miemp.ru/lib\\_portal/plan/text/kultur/Berd.pdf](http://miemp.ru/lib_portal/plan/text/kultur/Berd.pdf).
7. Бердяев Н.А. Происхождение зла и смысл истории // Вопросы философии и психологии. М., 1908. Год XIX, кн. V (95).
8. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012.
9. Евлампиев И.И. История русской философии. М., 2002.
10. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1.
11. Крылов Д.А. Софиологическое направление в русской религиозной философии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2008.
12. Крылов Д.А. Софиология и поиск идентичности // [http://www.psyoffice.ru/8/filosofy/book\\_o031\\_page\\_2.html](http://www.psyoffice.ru/8/filosofy/book_o031_page_2.html).
13. Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 2005.
14. Миненков Г.Я. Русская философия // Всемирная энциклопедия: Философия. М.-Мн., 2001.
15. Миненков Г.Я. Русская философия // История философии: Энциклопедия. Мн., 2002.
16. Миненков Г.Я. Русская философия // Новейший философский словарь. Мн., 2003.
17. Муравьев В.Н. Овладение временем. М., 1998.
18. Силантьева М.В. И. Кант и Н. Бердяев: диалектика в трех измерениях // <http://kant-online.ru/?p=1024>.
19. Силантьева М.В. Проблема рациональности современной европейской философии (экзистенциально-диалектический анализ). М., 2004.
20. Силантьева М.В. Русская философия как феномен мировой культуры: проблема общего, единичного и особенного // Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде. Выпуск 10. Русская философия: история, методология, жизнь. 2011.
21. Силантьева М.В. Философия культуры Н.А. Бердяева и актуальные проблемы современности. М., 2005.
22. Страхов Н.Н. О времени // Философские очерки. Киев, 1906.
23. Федчин В.С. Социально-философская антропология в России в XX веке. Иркутск, 2006.
24. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // <http://az-libr.ru/Persons/0B5/84e77bbb/0001/Frank.shtml>.
25. Черткова Е. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3.
26. Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., 1996.
27. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М., 2007.
28. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: «Русская идея», 2000.

## SOCIOCULTURAL PHENOMENON OF «RUSSIAN UTOPIA» IN MODERN MANAGEMENT THEORY: MECHANISMS OF FORMATION, REPRODUCTION AND BROADCAST

The article explores the phenomenon of «Russian Utopia» in terms of its specific features, as well as the mechanisms of its formation and reproduction on the Russian turf and its dissemination in different social contexts. Utopia, as such, is seen as a socio-cultural phenomenon of reality, that is, as a phenomenon which includes the characteristics of the civilization on the basis of which it is formed.

Since the sociocultural reality of any given historical period is an established and fairly stable structure, which came into existence as a result of the development of society in the historical process, it makes sense to tie up civilizational identity features of the culture under study with their utopian projection characteristic of it. The paper substantiates the idea that the features of «Russian Utopia» can be derived from such specific elements of Russian culture as religiosity,

eschatology, messianism, the desire for social justice, for the truth, communal way of life, collegiality, belief in miracles, and others. Utopia is defined as an individual cultural form that establishes the relationship between these traits of the national cultural mentality, as a product of the “life world” of man, including Russian “life world”. Accordingly, it makes sense to link the mechanisms of reproduction and retransmission of this cultural form with the cultural context, taking into account such features Russian utopia as imagery, religiosity, moral definiteness and symbolism.

Natalia Mitina,  
Candidate of Science (Philosophy), Associate  
Professor, Tenured Associate Professor,  
Department of humanities, Far Eastern State  
Academy of Arts, Vladivostok

**Ключевые слова:**

«русская утопия»; теория управления; механизмы формирования, воспроизводства и трансляции утопии; идеал; культурная форма как организационный проект; «жизненный мир» русской культуры.

**Keywords:**

«Russian utopia», management theory, mechanisms of formation, reproduction and dissemination of utopia; ideal, cultural form as an organizational project, «life-world» of Russian culture.

**References:**

1. Batalov E.Y. V mire utopii [In the world of Utopia]. M., 1989.
2. Berdjaev N. A. Russkaja ideja: osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka [Russian idea: the main problems of Russian thought of the XIX century and early XX century] // <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm>.
3. Berdjaev N. Vechnost' i vremja [Eternity and time] // <http://www.raskol.net/node/1669>.
4. Berdjaev N. Smysl istorii [The meaning of history]. M., 1990.
5. Berdjaev N. Mirosozercanie Dostoevskogo [Philosophy of Dostoevsky] // <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn008.htm>.
6. Berdjaev N.A. O kul'ture [On culture] // [http://miemp.ru/lib\\_portal/plan/text/kultur/Berd.pdf](http://miemp.ru/lib_portal/plan/text/kultur/Berd.pdf).
7. Berdjaev N.A. Proishozhdenie zla i smysl istorii [The origin of evil and the meaning of history] // Voprosy filosofii i psihologii [Problems of Philosophy and Psychology]. M., 1908. God XIX, kn. V (95).
8. Berdjaev N.A. Filosofija neravenstva [Philosophy inequality]. M., 2012.
9. Evlampiev I.I. Istorija russkoj filosofii [History of Russian Philosophy]. M., 2002.
10. Zenkovskiy V.V. Istorija russkoj filosofii: v 2 t. [History of Russian Philosophy: 2 vol.]. L., 1991. T. 1. Ch. 1.
11. Krylov D.A. Sofiologicheskoe napravlenie v russkoj religioznoj filosofii: avtoref.dis. ... d-ra filos. nauk. [Sophiological direction in Russian religious philosophy: avtoref. dis. Dr. ... Philosophy. Sciences]. M., 2008.
12. Krylov D.A. Sofiologija i poisk identichnosti [Sophiology and search for identity] // [http://www.psyoffice.ru/8/filosofy/book\\_o03\\_page\\_2.html](http://www.psyoffice.ru/8/filosofy/book_o03_page_2.html).
13. Losskij N.O. Harakter russkogo naroda [Character of Russian folk]. M., 2005.
14. Minenkov G.Y. Russkaja filosofija [Russian philosophy] // Vsemirnaja jenciklopedija: Filosofija [The World Encyclopedia: Philosophy]. M.-Mn., 2001.
15. Minenkov G.Y. Russkaja filosofija [Russian philosophy] // Istorija filosofii: Jenciklopedija [History of Philosophy: Encyclopedia]. Mn., 2002.
16. Minenkov G.Ja. Russkaja filosofija [Russian philosophy] // Novejsnij filosofskij slovar'. [Newest Philosophical Dictionary]. Mn., 2003.
17. Muravyev V.N. Ovladenie vremenem [Mastering time]. M., 1998.
18. Silantyeva M.V. I. Kant i N. Berdjaev: dialektika v treh izmerenijah [Kant and Berdyaev: Dialectics in three dimensions] // <http://kant-online.ru/?p=1024>.
19. Silantyeva M.V. Problema ratsional`nosti sovremennoj evropejskoj filosofii (ekzistentsial`no-dialekticheskij analiz) [Rationality problem of modern European philosophy (existential-dialectical analysis)]. M., 2004.
20. Silantyeva M.V. Russkaya filosofiya kak fenomen mirovoy kul`tury: problema obshchego, edinichnogo i osobennogo [Russian philosophy as a phenomenon of world culture: the problem of general, special and single] // Vestnik Obshchestva russkoj filosofii pri Ukrainskom filosofskom fonde. Vypusk 10. Russkaya filosofiya: istoriya, metodologiya, zhizn` [Bulletin of the Society of Russian philosophy in Ukrainian philosophical foundation. Ed. 10. Russian Philosophy: history, methodology, life]. 2011.
21. Silantyeva M.V. Filosofiya kul`tury N.A. Berdyaeva i aktual`nye problemy sovremennosti [Philosophy of Culture N.A. Berdyaev and topical issues of the day]. M., 2005.
22. Strahov N.N. O vremeni [About time] // Filosofskie ocherki [Philosophical Essays]. Kiev, 1906.
23. Fedchin V.S. Social'no-filosofskaja antropologija v Rossii v XX veke [Socio-Philosophical Anthropology in Russia in the XX century]. Irkutsk, 2006.
24. Frank S.L. Sushhnost' i vedushhie motivy russkoj filosofii [Essence and motives leading Russian philosophy] // <http://az-libr.ru/Persons/0B5/84e77bbb/0001/Frank.shtml>.
25. Chertkova E. Utopija kak tip soznaniija [Utopia as a type of consciousness] // Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1993. № 3.
26. Chertkova E.L. Specifika utopicheskogo soznaniija i problema ideala [Specificity of utopian consciousness and the problem of the ideal] // Ideal, utopija i kriticheskaja refleksija [Ideal, utopia and critical reflection]. M., 1996.
27. Shestakov V.P. Jeshatologija i utopija: Ocherki russkoj filosofii i kul'tury [Eschatology and Utopia: Essays on Russian philosophy and culture]. M., 2007.
28. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka [Europe and the soul of the East]. M., 2000.